

Возвращение к неотступному

Общ. работ. - 1994 - 15-21 мая - с. 8.

Эдвард Радзинский. «Сталин»

БИОГРАФИЯ Сталина. Как втиснуть ее в обыденные книжные масштабы? Один том? Десять? Сто? Нельзя же предугадать, сколько займет исчерпывающее описание всей первой половины уходящего века.

Биография Сталина. Кому этот труд под силу? Дано ли одному человеку, будь он хоть Пимен, объять и осмыслить путь человечества сквозь пятьдесят таких необойменных лет? Любые попытки, как мне представляется, могут стать лишь штрихами к его биографии, эскизами к ней...

Тем не менее недавно увидевшая свет в издательстве «Вагриус» книга Радзинского называется «Сталин». Скромно и просто! Безумству храбрых поем мы песню. Говорю без шуток: Радзинский, несомненно, создал свою главную книгу, и ей, скорей всего, уготована долгая жизнь. Во всяком случае, наиболее долгая из всего, что им было прежде написано.

Автор достаточно последовательно излагает свои представления, порой весьма личные, о том, что сперва предопределило нашу жизнь, а затем стало ее сутью. В книге упомянуты, процитированы, использованы для построения версий и предположений несметное множество документов, свидетельств очевидцев. Радзинский (кстати, мой однокашник) вновь подтверждает, что только историк-исследователь, обычно именуемое вспомогательной исторической дисциплиной, открывает путь к достоверным познаниям. На этом и держался Историко-архивный институт, который когда-то окончил Радзинский. Обучение в нем, как и полагалось по тем временам, основывалось на марксистско-упрощенных догмах. Но господствующий здесь культ документа, постоянно возбуждаемый у студентов интерес к первоисточнику, не допускал легковесности полужизни.

Радзинский многократно подчеркивает свое обращение к документам президентского архива. Здесь хранятся бывшие «особые» папки, личный фонд Сталина, переставший быть секретным. Нет больше ни запретного, ни сокрытого. А вот робкие предположения, которые лишь возникали в читальном зале архива ИМЭЛа, где из трех запрошенных документов в двух тебе отказывали, не опрокинуты и поныне. Сталин как был соткан из тайн, так и остался. И Радзинскому, что роднит его с другими исследователями, не удалось проникнуть сквозь пласты минувшего. Автор выстраивает версии, в той или иной мере убедительные, но ответить на вопросы-загадки, ставшие почти нарицательными, оказывается не в состоянии. Был ли Сталин агентом охраны? Как погибла Аллилуева? Кто убил Кирова? Умер ли диктатор своей смертью? Как бы склонялся под грузом неразрешимого, автор завершает книгу признанием: «С тайны началась его жизнь и тайной закончилась».

А скорей всего, наивна наша надежда на то, что найдется в конце концов та за-

ветная бумажка, из которой все станет ясно. Рукописи не только не горят — чаще их просто не заводят. Генерал Н. Патрахальцев, в прошлом сотрудник террористического подразделения Коминтерна, рассказывал мне: «Сталин распорядился не утруждать нас каким-либо делопроизводством».

Разумеется, в книге, распластавшейся на шестистах страницах, отнюдь не все бесспорно. У исследователя Радзинского весьма часто перехватывает эстафетную палочку Радзинский-литератор, азартный драматург Радзинский, и вместе они как бы совершают бег по пересеченной местности. Нет, не усидчивость и не время, щедро отданное жизни в архивах, определили сложность предпринятого. Радзинский меняет кожу. Да, Сталина нет давным-давно. Но след его так и не простыл. Обращаясь вновь к этому неотступному, необходимо открыть себя для восприятия прямо противоположного тем мифам, которые всегда его окружали.

Помню, как зачитывался «самиздатскими» воспоминаниями Лариной-Бухариной. Николай Иванович, уже прикованный к позорному столбу множеством «разоблачительных» публикаций, решается вместе с молодой женой в день праздника пойти на парад. Ларина видит: сквозь толпу протискивается к ним красноармеец. Она уверена — их сейчас взашей погонят с Красной площади. Ничего подобного! Порученец докладывает просьбу товарища Сталина: пускать Бухарин поднимется на мавзолей, ему не пристало находиться на общей трибуне... И я, давно расставшийся с порой наивности, успевший прочитать от доклада на XX съезде до Солженицына, начал фантазировать: что же это? Игра кошки с мышкой? Восточное коварство? Желание властелина поразить непредсказуемостью поступков? Так бы и варил «сапоги всмятку», не сообразив в конце концов: Сталин трусил, он находился в том состоянии, которое чаще других ему было свойственно. Гордость и легенда партии Бухарин еще не совсем добит. А вдруг он выкинет такое, от чего Кобе не поздоровится. Да не выкинет, он давно распрощался с волей. Но Сталин опасается и такой крохотной угрозы. Чем трусливей — тем коварней. «Решив покончить с Ягодой, он, как обычно, осыпал его милостями, даже поселил в Кремле». Только представив себе, сколь неотступно владел Сталиным липкое чувство страха, можно найти объяснение многим его поступкам.

Пережить панический ужас из-за военной катастрофы сорок первого, Сталин, не верящий ни в Бога, ни в черта, решивший к 43-му году закрыть последний храм на Руси, вдруг принял их открывать. И открыл 20 тысяч храмов во времена Отечественной войны, Троице-Сергиеву и Киево-Печерскую Лавры, стал выпускать священников из лагерей. Он, конечно же, не демонстрировал в церкви свое примирение с Богом, зажав свечку в кулаке. Но у человека, не имеющего убе-

ждений (даже атеистических), теплилась надежда: а вдруг поможет, чем черт не шутит.

Борьба со схемами заслуживает похвал, но, увы, она заканчивается по большей части утверждением схем альтернативных. Как ожесточенная борьба со штампами рано или поздно насаждает противоположные штампы. Вспомните сомнительное утверждение Хрущева на XX съезде о том, что Сталин воевал по глобусу. Ведь и это было продиктовано благими намерениями опровергнуть расхожие мифы.

Не свободен от «антисхемы» и Радзинский. Она менее примитивна, чем случилось у Волкогонова, однако присутствует. Ее острые углы старательно задрапированы литературным покрывалом, и все-таки нет-нет да и напарываешься на них. С откровенным полемическим задором автор утверждает: все, что провозглашали большевики, имело противоположный, потаенный смысл. Альтернативой «да» всегда оказывалось произносимое вслух «нет», за белым припрятывалось тщательно законспирированное черное. Так всякий раз, и непременно.

Опасный для исследователя путь! Как только в оценках былого он отдает предпочтение однажды выбранному приему, его непременно подстерегают противоречия, концы начинают расходиться с концами. Скажем, превозносимой в сталинские времена идеальности, по Радзинскому, противостоит бандацкая распухлость, свобода от убеждений. А в то же время многие страницы книги посвящены тому, что сам автор называет «Великой мечтой» — неотвратимое стремление Сталина утвердить мировой коммунистический режим. Каким путем? Другое дело. Но «великая мечта», как и вера в ее осуществимость, были впаяны в сталинские мозги.

Каждый жизнеописатель стремится найти на пути своего героя те узлы, которыми завязывался характер. Не свободен от этого и Радзинский. Поиск логических обоснований сталинского характера (неблагодарный труд) он ведет по двум направлениям: детство, а также пример, который сопутствовал его герою всю жизнь. Что касается детства, то здесь говорить в общем-то не о чем. Отец шил сапоги — Сталин всю жизнь ходил в сапогах. «Кулак насилия и беспощадную борьбу видел с рождения маленький Сося» — отсюда мостик к его изуверству. Учитель в семинарии любил повторять: «Глаза бегают — значит мерзость затевашь». Это возвращает автора к любимой Сталиным фразе: «Глаза бегают — значит на душе не чисто».

Серьезней, что касается жизненного примера, — это Ленин.

Все самые мрачные черты сталинского портрета Радзинский заимствует у него. Коварство, фанатизм, жестокость, подозрительность — во всем провозвестник Владимир Ильич. Протягивая эту нить, автор в продолжение всей книги повторяет одну и ту же фразу: «Учимся, учимся понемногу».

Он так верен полюбившейся аналогии, что не позволяет Сталину и шага сделать самому. Обращается, например, к ленинскому завещанию и пишет: «Думаю, если бы Ильич повелел в этом завещании идти к нэпу «всерьез и надолго», Коба с той же энергией повел бы страну до конца этим путем». Ну, уж дудки! Сталин был слишком «творческим марксистом», чтобы считаться с какими бы то ни было напутствиями.

Не видя резона в чем-либо оправдывать Ленина, полагаю полезным осмыслить его раздвоенность, обернувшуюся духовной, а потом и физической драмой. Человек выдающегося интеллекта, несомненно научного мышления погубил себя умозрительной схемой переделки человека и мира. Одно противостояло другому, было несовместимо. Что же касается Сталина, то он не был особо отягощен ни знаниями, ни духовной жизнью. Принял марксистско-ленинскую схему как наиболее доступную, не ведая ни противоядие, ни тормозов. Он типичный продукт «генной инженерии» большевизма, развившийся в марксистской колбе. На биографическом материале Сталина значительно важнее, на мой взгляд, раскрыть пагубность большевизма, чем искать параллели с Лениным. «Без Ткачева, без «Катехизиса революционера» не понять ни нашего героя, ни всю историю России XX века», — утверждает Радзинский. Глубокомысленно, но справедливо ли? Быть может, идеи партии нового типа сыграли большую роль в формировании сына сапожника. И высшая целесообразность, и всемирно-историческая задача — все отсюда. Радзинский справедливо пишет: «Когда-то во имя этого они убивали друг друга, теперь друг друга». Вот она, криминальная суть большевизма, партия нового типа. И только здесь следует искать корни сталинского характера, его жестокости, той «мизерабельности», которую составляла для него человеческая жизнь. Без этого, к слову, не понять все ничтожество ленинского завещания, где предлагается переместить Сталина с поста генсека, заменив его человеком, более терпимым и менее грубым. Как просто! Из этого более терпимого и менее грубого режима партии нового типа вылепился бы очередной Сталина... Когда-то, занимаясь Нечаевым, я пришел к «расстрельной» для той поры мысли: если бы Нечаев не врал, существуй на самом деле его русский революционный комитет, общество «Народной расправы» и т.п., он бы и стал праотцем партии нового типа.

Литература о прошлом — это роман или исследование. Первое принадлежит перу беллетриста, второе — ученого. Но дано и третье: перо ученого оказывается в руках талантливого литератора. Радзинский заканчивает книгу самой кошмарной гонкой, какую знало человечество. Сталин подталкивает жизнь к обрыву новой мировой войны. А жизнь торопится расстаться с его иссохшим телом.

Жизнь успевает.